

АЛЕКСАНДР
СКРЯГИН

**ТЕ, ЧТО ЖИВУТ
РЯДОМ**

Александр Скрягин

Те, что живут рядом

«Автор»

Скрягин А.

Те, что живут рядом / А. Скрягин — «Автор»,

В небольшом городе на Иртыше неожиданно взрывается установка на нефтезаводе. Полковник милиции Лев Садовский должен установить причины и виновников взрыва. Может ли быть причастен к нему местный криминальный авторитет Мафусаил? Или врач Искра, которая посылала письма владельцу завода с требованиями возобновить финансирование детского центра? И какое отношение может иметь к диверсии внезапный визит делегации из Саудовской Аравии? И кто такие Долгожители, само существование которых жителям города на Иртыше кажется чистейшей фантастикой?..

© Скрягин А.

© Автор

Содержание

1. Взрыв	5
2. Кто взорвал колонну?	6
3. Визит в гнездо Мафусаила	9
4. Невозможное завоевание Америки	14
5. Доктор Искра Августовна Сони́на	17
6. Ближневосточные друзья Мафусаила	21
7. Странное предложение старого пирата	26
Конец ознакомительного фрагмента.	31

Александр Скрягин

Те, что живут рядом

Детективная повесть

Все события этой книги, относящиеся, как к настоящему, так и прошлому, имели место в действительности. Но автор считает необходимым подчеркнуть, что данное произведение является художественным, а не документальным. Поэтому, все оценки и интерпретация событий принадлежат исключительно автору, и носят совершенно субъективный характер.

Автор

МАФУСАИЛ – дед НОЯ, праведника, спасшегося после Потопа. Согласно Библии, Мафусаил прожил 969 лет. В литературе выражение «Мафусаилов век» употребляется в значении необычно долгой для обычного человека жизни, удивительного долголетия.
Большой энциклопедический словарь.

1. Взрыв

Нефтеперегонная колонна взорвалась в субботу, в шесть утра.

Без всякого звука семидесятиметровая башня, похожая на баллистическую ракету, мягко приподнялась над землей. Презирая притяжение планеты, она неподвижно повисла в воздухе.

Стальной колосс словно бы собирал силы для броска в стратосферу. Но не выдержал сопротивления с гравитационной мощью земного шара и разорвался на две равные половины с пилообразными краями.

Из глубины этой акульей пасти на солнечный день удивленно взглянула черная космическая тьма. Но она смотрела на солнечный мир всего несколько секунд. Обе половины взбунтовавшейся башни снова сомкнулись и, догоняя друг друга, понеслись вниз.

Раздался громкий звук, похожий на праздничный орудийный салют.

И на месте, где несколько мгновений назад уходила в небо гордая нефтеперегонная колонна, способная перегонять в бензин дизельное топливо и мазут шесть миллионов тонн нефти в год, вырос оранжевый пузырь. Стремительно увеличиваясь в размерах, он втягивал в себя деревья, здания, асфальт и, казалось, остановить его невозможно.

А затем над городом повис гул.

Он был как будто и не очень силен, но человеческий голос растворялся в нем без следа, как сахар в кипятке. Люди, раскрывающие навстречу друг другу беззвучные рты, стали похожи на вытащенных из воды изумленных рыб.

В город пришла тревога.

Нефтеперегонная установка ЭЛОУ – АВТ, именуемая на заводе «шестимиллионником», исчезла с поверхности земли.

Это было начало.

2. Кто взорвал колонну?

Полковник подошел к окну.

За стеклом, беззвучно, как в аквариуме, плавал город. Он потянул на себя ручку и распахнул тяжелую, позапрошлого века деревянную раму.

Город шумно вбежал в кабинет. Вместе с собой он притащил в помещение сибирский август. Полковник вдохнул легкий, настоенный на бензине, сохнувших листьях и желтых казахстанских дынях воздух, посмотрел на дразнящие пустотой крыши, тенистые лабиринты улиц и бегущих по своим делам горожан.

После взрыва прошло всего несколько дней, а люди уже забыли о нем.

А вот он принадлежал к тем немногим, кто забыть не мог. И сейчас он должен был найти ответ на вопрос: «Что же докладывать наверх?»

Полковник прошелся по кабинету.

«Могла причиной взрыва быть техническая неисправность? – задал он себе вопрос. – Могла. Хотя маловероятно. Системы технологической безопасности на подобных установках, как утверждают специалисты, давно отработаны и надежны. Конечно, все может быть, вон атомные реакторы, где системы безопасности, наверное, не хуже, и то взрываются...

Теракт? Может быть? Теоретически, может. А, практически, вряд ли. Экстремистские организации хорошо пронизаны агентурой, кто-нибудь непременно бы стукнул... Однако, ничего этого нет.

Привет от конкурентов... Может быть? Может. «Таймырнефтегаз» или «Востокнефть». Но вряд ли. У них ведь тоже есть заводы, которые горят ничуть не хуже... Чтобы они, живя в стеклянном доме, кидались камнями в соседа? Сомнительно!

Никаких оперативных данных, ведущих хоть в какую-то сторону, пока не обнаруживается. От технической экспертизы тоже вообще-то чего-то особого ожидать не приходится. Каких-нибудь там следов взрывного устройства или закрытой задвижки... На месте установки образовалась плита застывшего вулканического стекла, площадью в гектар и толщиной в два метра... Что там могло сохраниться?»

Полковник подошел к сейфу. Достал оттуда початую бутылку Омского коньяка «Ермак Тимофеевич» и маленькую пузатую рюмку. Аккуратно наполнив стеклянный бочоночек, он вдохнул концентрированный растительный аромат и, не торопясь, выпил.

Поставил рюмку. Замер.

Ничего не происходило... Ничего... Но, наконец, ожидаемая расслабляющая волна прокатилась от сердца к подошвам. Полковник облегченно вздохнул.

«Да. Хорошо! – произнес он про себя. – Так, что же докладывать наверх? Кто взорвал колонну?»

В дверь постучали. Полковник точным движением одной руки поставил бутылку в сейф, выверенным жестом второй убрал стаканчик под защиту настольного календаря и занятым тоном сказал:

– Можно.

Дверь открылась и на пороге кабинета выросла секретарь приемной начальника управления Рита Кононович. Она была плотно закована в женский деловой костюм. Впрочем, доспехи заканчивались ладони на полторы выше круглых колен. Да и на груди было большое уязвимое пространство, прикрытое лишь тонкой блузкой.

У Риты имелись два неоспоримых достоинства: странный темно-зеленый цвет радужной оболочки глаз и соблазнительные коленки с ямочками. Она это знала.

– Лев Александрович, – громко произнесла она, повернув голову не к Полковнику, а в сторону коридора, – генерал просил приготовить имеющиеся данные по взрыву на нефтезаводе.

«Оперативное прикрытие проведено грамотно!» – отметил Полковник.

Закончив громким официальным голосом фразу, Рита плотно прикрыла дверь, повернула защелку замка и, стуча каблучками, подбежала к Полковнику. Она привстала на носки и потянулась губами к сизоватой, чисто выбритой полковничьей щеке.

– Лева, ну куда ты пропал? Не заходишь... От тебя коньяком пахнет... Я соскучилась! – упрекающим тоном собственницы запритчала она.

Полковник осторожно положил на ее узкое плечо свою большую, как медвежья лапа, ладонь, изобразил на лице выражение сдержанной мужской радости и утомленным тоном произнес:

– Ни минуты свободной не было... Ты же знаешь, день и ночь взрывом занимаюсь.

– И ночь? – мгновенно вошла в любимую всякой женщиной роль следователя Рита.

– Рита, оперативная работа не знает времени суток... – вздохнул Лев Александрович.

– Ага, ага... – закивала головой Рита. – Знаю я, какой ты ночью оперативной работой занимаешься... Все вы такие, хлебом не корми, дай ночью оперативной работой позаниматься! – зазвенели в ее голосе всегда готовые у женщин к использованию разоблачительные нотки. – Ну-ка, признавайся, кто у тебя появился? – застучала она кулачками по твердой полковничьей груди.

– Рита, ты же знаешь, кроме тебя, меня не способна увлечь ни одна женщина... – стремясь, чтобы голос звучал искренне, произнес Полковник. Эти слова он неоднократно произносил в разных странах мира и знал их волшебную силу.

– Не верю тебе, обманщик!.. – растаявшим голосом пропела Рита.

В знак примирения она прижалась к полковничьей рубашке. При этом она нарочно испачкала ее губной помадой. «Все эти стервы должны знать, что это мой мужчина, что он занят. Раз мой, хочу и пачкаю!» – стояло за этой акцией.

– Генерал сказал, – чуть отстранилась Рита, – он в помощь тебе хочет вызвать группу экспертов из Москвы. Взрыв на нефтезаводе изучать... Велел завтра утром, зайти до общей планерки. И соседи просили их с материалами ознакомить...

Соседями в милиции называли Федеральную службу безопасности.

– Генералу утром звонил сам Аврамович, – продолжила информировать Полковника Рита, – так ругался, так ругался! Я немного послушала по параллельному аппарату... Обещал каких-то своих специалистов прислать...

– Сам Аврамович? – переспросил Полковник.

– Ну, да! Роман Алексеевич потом, аж три чашки чая выпил! Кошмар какой-то!

– Три чашки! – изумился Лев Александрович.

– Три. С лимоном, – подтвердила Рита. – Ну, ладно, я побежала... – приняв крайне занятой вид, произнесла она. – У меня там, в приемной полно народу... Генерал, наверное, уже по всем закоулкам меня с собаками ищет... Он вообще без меня ни одну бумагу найти не может!

Полковник, не знал, что сказать и потому погладил ее по плечу.

Рите это понравилось.

– Позвони мне вечером обязательно. Хорошо? – чмокнула она его в сизую щеку и, выскользнув из кабинета, застучала пулеметной очередью каблучков по длинному коридору управления.

И приезжающие столичные эксперты, и соседи из службы федеральной безопасности, подключившиеся к расследованию взрыва, и, тем более, какие-то неизвестные специалисты владельца «Сибпромнефти» Аврамовича, которому принадлежал нефтеперерабатывающий завод, были неприятным известием для Полковника.

Он и только он должен был ответить на вопрос: кто взорвал колонну?

3. Визит в гнездо Мафусаила

В дверь снова постучали.

– Входите, – Полковник отвлекся от созерцания городского муравейника за окном и повернулся на стук.

Дверь распахнулась. На пороге вырос старший лейтенант Володя Пилипенко.

Старший лейтенант был озабочен.

– Товарищ полковник, есть новости, – произнес он.

– В Нью-Йорке взорвали статую Свободы? – встревоженным тоном осведомился Лев Александрович.

– Нет, товарищ полковник. Хуже.

– Что же может быть хуже? – удивленно поднял брови Полковник.

– В субботу вечером, примерно в двадцать три часа, в ночном клубе «Мистер Икс» гражданин Браткрайс Мафусаил Нилович поспорил на сто долларов, что на следующий день на нефтезаводе будет взрыв.

– И что? – осведомился полковник Садовский.

– И выиграл.

«А, правда, ведь взрыв-то был в воскресенье в шесть утра... Да, что же это такое? – подумал Полковник. – Неужели Мафусаил тут замешан?.. Быть не может? Или может?»

Браткрайс Мафусаил Нилович был другом его детства.

И Полковник отправился туда. В место, где Лев Александрович его провел.

...Он стоял, пережидая длинный товарный состав. Бесконечная цепь бензиновых цистерн с бархатными от пыли боками тянулась и тянулась, отгораживая его от окраинного городского района – станции Куломзино.

Суставчатая линия цистерн с надписью «Бензин» и логотипом «Сибпромнефти» казалась бесконечной.

Ему в голову пришла мысль, что она гигантским замкнутым кольцом кружится и кружится вокруг земного шара. И когда вместо бесконечной стены цистерн перед глазами вдруг открылось свободное пространство, у Полковника в груди шевельнулось детское чувство случившегося чуда.

Лев Александрович с наслаждением вдохнул воздух, наполненный острым запахом черного антисептика под названием креазот, которым были пропитаны железнодорожные шпалы. Этот запах был запахом его детства, и не было для Полковника Садовского аромата приятнее. Хотя у женщин от запаха креазота мгновенно начинала болеть голова, жуки-древоточцы умирали сразу, а кровососущие насекомые через минуту-другую.

Вдали затихал стук колес. Полковник постоял и шагнул через отполированную тяжелыми колесами до зеркального блеска железнодорожную рельсу.

Он шел в пристанционный поселок.

Поселок «Куломзино» представлял собой мир, где шла особая жизнь. Отличная от всего остального города. И не потому, что там были узкие горбатые улочки, мощенные крупными гладкими булыжниками-голышами, которых не было в других городских районах. В поселке жили странные люди. Не похожие на остальных горожан.

В то время, как обычные горожане жарили себе на воскресный обед картошку с мясом, куломзинцы старательно крутили на мясорубках фарш и тушили в глубоких сковородках сочные голубцы. Обитатели других городских районов с гордостью ставили на стол купленную в магазине бутылку водки, жители поселка – только водку в графине. Из холодильника. Обитатели других концов города с довольным видом глотали растворимый кофе. Рядовой куломзи-

нец не стал бы этого делать даже под угрозой административного наказания. Житель поселка всегда варил молотый кофе в турке. И кое-кто даже добавлял туда корицу.

Секрет странного поведения куломзинцев состоял в том, что называется вкусом к жизни. Откуда он взялся?

Возможно, с юга. С низовьев Волги. Из прикаспийской Астрахани. Оттуда в годы войны на берег Иртыша эвакуировали бондарный завод, делавший бочки для танковых смазочных масел. А вместе с заводской печатью и сейфом с документами сюда, в Сибирь приехали люди, жители расположенного в устье Волги старого города со странным именем Астрахань.

Низовье же Волги – место необычное. Кажется, что невыносимая жара здесь не столько от солнца, сколько от пролитой здесь за века горячей человеческой крови. Из этих мест не так уж далеко до земли, где некогда цвел райский Эдемский сад. Не прошло такое прошлое бесследно для живших там людей.

Попасть в мир станционного поселка можно было только сквозь разрыв в лесозащитной полосе, высокой и толстой, будто крепостная стена. Полковник прошел под почти непроницаемым для солнечных лучей зеленым сводом и оказался на узкой мощеной улочке.

Забирая вправо, он направился к серой громаде элеватора. Его венчала гордая башня, опоясанная по периметру гигантскими окнами. Заходящее солнце пробивало их насквозь. Полковник представил, каким неземным гранатовым светом был залит размещенный в башне машинный зал.

Башня стояла на двойной батарее толстых серобетонных цилиндров. В них хранились тысячи тонн твердой сибирской пшеницы. Эта гора растительного белка рождала густейшие потоки биологической энергии. Ощущая ее, человек сначала погружался в тревогу, а, потом, его организм начинал наливаясь животной силой. Эта энергия легко сжигала неуязвимые для антибиотиков стафилококки, заставляла быстрее расти волосы и толкала мужчин нарушать супружескую верность. Впрочем, женщин тоже. Но дочери Евы куда менее расположены к угрызениям совести, и куда лучше мужчин владеют искусством маскировки, если даже сравнивать их с мужчинами прошедшими специальную диверсионную подготовку.

Здесь в вечной тени элеватора стояло одноэтажное кирпичное здание, покрытое почерневшей розовой штукатуркой. Склад акционерного общества «Сибхлеб».

Гнездо Мафусаила.

Полковник потянул на себя тяжелую, обитую блестящим металлом дверь и....

Он застал компанию врасплох. И, увидев его, находящиеся в помещении, застыли в виде неподвижного фотографического снимка.

Компания располагалась за большим столом.

В центре стола сидел сам Мафусаил.

Мафусаил Нилович Браткрайс.

У него были румяные щеки, пылающий нос и океански-светлые, как рыба чешуя, холодные глаза. Серебристый ежик прически воинственно топорщился во все стороны света.

Морская тельняшка сидела на его квадратном теле, как влитая. Хотя трижды судимый за мошенничество и хищение чужого имущества гражданин Браткрайс не имел чести служить во флоте.

По обе стороны от Мафусаила сидели на стульях две угрюмые личности с сухими и серыми, не поддающимися загару лицами людей, недавно покинувших места заключения.

Из вишневых внутренностей, стоящего рядом дивана, дразнила скульптурными колесами пышная сорокалетняя дама. В руке она держала налитую до краев рюмку. Полковник хорошо ее знал. Это была экспедитор акционерного общества «Сибхлеб» Ольга Петровна Липовая, также судимая. Но дважды. И в далекой молодости.

Перед Мафусаилом стояла бутылка капитанского джина местного изготовления. Рядом в электрическом свете поблескивала круглыми боками большая белая фаянсовая супница, приятно благоухающая лавровым листом.

– Здравствуйте, граждане! – поприветствовал всех сразу Полковник.

– Ле-е-ва! – с трудом, но зато бесповоротно, ожил фотоснимок Мафусаила Ниловича. – Вот кого не ждали! Проходи! Садись! Гостем будешь! А, если выпьешь с нами, то и хозяином!

Лев Александрович посмотрел хозяину в холодные рыбы глаза и явно увидел в них не радость, а настороженность.

– Мафа, у меня к тебе разговор есть, – сказал он. – Пусть твои друзья погуляют.

Друзья вопрошающе посмотрели на Мафусаила: что это за баклажан, и почему так нагло себя ведет? Хотя, конечно, особого удивления на серых лицах не читалось. Их богатый жизненный опыт говорил: раз ведет, значит, имеет право.

Мафусаил солидно кивнул, дескать, да, погуляйте.

Ольга Петровна некоторое время раздумывала, относится ли приглашение и к ней, потом решила, что относится. Осторожно, не расплескав, она поставила рюмку на стол, и начала вытаскивать себя из диванных глубин.

– Ольга, а ты была в пятницу в ночном клубе? – спросил Полковник.

– Ну, была, – на всякий случай, с легким вызовом произнесла Ольга.

– Тогда останься, – тоном приказа произнес Лев Александрович.

Ольга Петровна стала снова погружаться в мебельные внутренности, маневрируя всем телом с таким умением, что обнажились уже не только колени, но и кремовые трусики.

Полковник подвинул к себе аппетитно пахнущую супницу и приоткрыл тяжелую крышку и заглянул внутрь. Там он обнаружил баранину с овощами в красной помидорной подливке.

«Умеет же устраиваться, проходимец!» – подумал Лев Александрович, а вслух спросил:

– Мафа, ты спорил в клубе с Серым, что на нефтезаводе будет взрыв?

Браткрайс помолчал.

– Ну, спорил. И что? – вздернул рыжие бровки пират.

Стараясь выглядеть грозным, Полковник свел брови в одну линию и сурово уставился в лицо пирата ореховыми глазами:

– Откуда знал, что установка взорвется?

Старый мошенник убедительно сыграл удивление:

– Да я не знал. Откуда же, я мог знать?

Лев Александрович добавил металла в голос:

– Почему тогда спорил, что она взорвется?

– Да, это не он, – подала из глубины дивана голос Ольга и с силой стала натягивать нижний край юбки на колени. – Это я спорила. А Мафусаил Нилович только перед Серым деньгами отвечал.

Полковник переместил взгляд вглубь дивана и сделал его еще строже:

– А ты откуда знала, что колонна взорвется?

– Да, я не знала, – махнула пухлой ладошкой экспедиторша. – Так, поспорила для смеху и все...

Полковник с шумом выдохнул воздух.

– Кончайте мне голову морочить! – угрожающе произнес он. – Или пеняйте на себя! Кто вам про взрыв сказал?

Мафусаил Нилович как-то застенчиво опустил глаза, чего за ним ранее не водилось.

– Ну, цыганка сказала. Мария с Самарки, – сладко пропела Ольга, но глаза при этом тоже отвела в сторону.

– Мария, говоришь? Это какая Мария? Вереш? – вкрадчиво спросил хитрый Полковник.

– Нет, Вереш здесь давно живет, – отрицательно покачала головой экспедиторша Липовая. – Она уж и не цыганка почти. У нее обе дочки в музыкальную школу ходят. А про взрыв сказала Мария из табора, что у нефтебазы на берегу Иртыша в мае встал. Цыганки, они знают. Дар у них такой! – педагогическим тоном учительницы, разъясняющей тупице элементарные вещи, произнесла Ольга Петровна.

– А табор, конечно, вчера снялся и ушел неизвестно куда?

– Снялся. Ушел. Вчера, – продолжала безнадежную борьбу за удлинение своей юбки Ольга Петровна: она с таким остервенением дергала за ее нижний край, что, похоже, вот-вот должна была остаться вообще без юбки.

– У меня есть предложение... – вклинился в их диалог Мафусаил Нилович. – Давайте сначала покушаем. Немного выпьем, а потом спокойно обсудим все вопросы. Лева, ты не против?

Полковник внимательно посмотрел на заслуженного мошенника, поднял брови, будто бы изумляясь услышанному, и, смягчившись, произнес:

– Я – против? Я? Я – «за» двумя руками.

Мафусаил бодро вскочил, подбежал к двери и слегка ее приоткрыл. Из окружающего мира в уютное тепло комнаты потянуло прохладой и запахом сохнувших листьев. Близкой осенью.

– Барсуки! Ужин заждался. Заходите. Погуляли и хватит.

Через некоторое время в комнату степенно проникли оба серолицых мафусаиловых друга.

На этот раз Ольга Петровна выбралась из диванных дебрей мгновенно, словно подброшенная неожиданно взорвавшейся толовой шашкой.

Стол был накрыт, как по мановению волшебной палочки. Из тумбочки будто бы сами собой выпрыгнули на стол очень приличные чистенькие белые тарелки, тяжелые ложки из нержавеющей стали и стопочки толстого стекла.

Ольга Петровна большой армейской поварешкой разложила по тарелкам исходящую паром баранину с овощами. Старый пират с важным видом разлил по стопкам капитанский джин и провозгласил:

– Чтобы никто не приставал!

Джин, несмотря на удаленность от моря предприятия-изготовителя, оказался хорошим. В меру пахнувшим аптечным можжевелевым ароматом. Такой же вот джин Полковник пил с капитаном румынского сухогруза, когда волею судьбы, вместе со своей напарницей бежал из одной Ближневосточной страны, спасаясь от местной контрразведки. Но это было в совсем другой жизни. В той, которой вообще-то и не было.

Баранина была, мягкая, сочная и благоухала лавровым листом. Настроение Полковника заметно поднялось.

– Чего это ты, Лева, в последнее время такой сердитый стал, а? – повернулась к нему раскрасневшаяся Ольга Петровна. – Раньше ты не таким был, я помню... Я все помню! – погрозила она ему пальцем в золотом колечке с синим камешком.

– Ольга! – произнес обсасывающий баранью косточку Мафусаил Нилович. – Смотри у меня!

– Лева, вот ты знаешь, как я к тебе отношусь?... – не обращая внимания на предостережение, продолжала плыть дальше Липовая. – Я к тебе очень хорошо отношусь! А ты на меня кричишь! Да, если бы ты, Лева, знал, как я к тебе отношусь!... Ты бы... Ты бы... – заспотыкалась Ольга Петровна не в силах сообразить, какое бы такое геройское действие приписать Полковнику.

Мафусаил погрозил ей своей ложкой:

– Но, но, но!... Оля, ты кого соблазнить хочешь, а? Ты моего друга детства соблазнить хочешь! Друга, который меня спас... Которому я, по-настоящему, жизнью обязан. А ты?

– Неужели ты его спас, Лева? – округлила темные блестящие глаза Ольга Петровна.

– Да, слушай ты его больше! – махнул рукой Лев Александрович. – Он однажды с дебаркадера в воду прыгнул и головой в старую сваю попал. Только, когда я за ним нырнул, он уже сам наверх поднимался. Он и без меня бы выплыл.

Пират поставил ложку вертикально:

– Неизвестно! – веско произнес он. – Это еще как сказать. Может быть, выплыл, а, может быть, кормил бы раков в речке.

Полковник от баранины и джина слегка разомлел.

– Вот он меня точно спас, – мечтательно глядя в потолок, произнес он. – Это было! Когда в десятом классе меня пристанские орлы бить решили. За то, что я у Вовы Подолякина мотоцикл без спросу взял... Угнал, – уточнил он, поймав вопросительные взгляды опытных в присвоении чужого имущества серолицых граждан. – Да, к тому же, еще и разбил. Неудачно, одним словом, вышло...

– Да, что там, я спас... – сморщил пылающее лицо Мафусаил. – Ты бы и без меня отмахался. Вон у тебя какие грабки вместо рук!

Лев Александрович не согласился:

– Ну, как бы я в одиночку от десятерых отмахался? Так бы чайник начистили, целый год бы блестел. И, главное, ты потом, с Вовой договорился, чтобы дело замять... Знаешь, Оля, он всегда дипломатом был, – сказал Лев Александрович, обращаясь почему-то не к самой Ольге Петровне, а к ее алебастровым коленям, с любопытством выглядывающим из-под нижнего края юбки. Видимо, чтобы лучше слышать разговоры умных людей.

– Это, да... – согласился Мафусаил Нилович. – Вот это правда. Я так считаю: любой вопрос надо всегда постараться миром решить! Ну, если уж совсем не получается, тогда и помахаться можно!

Ольга Петровна погладила его по круглому плечу.

Размягченный тремя стопками джина, бараниной и женской лаской Мафусаил Нилович Браткрайс откинулся на спинку стула:

– Что, Лева, хочешь знать, кто нам про взрыв на заводе шепнул?

Полковник мгновенно отлепил свой взгляд от любопытных колен Ольги Петровны.

– Так и быть, скажу, – с важным видом произнес старый нарушитель закона и замолчал. Следуя заветом Станиславского, о котором он никогда не слышал, он держал паузу.

– Кто? – не выдержал театрального издевательства Лев Александрович.

– Искра сказала, – уверенным голосом ответил Браткрайс. – Докторша. Искра Августовна. Мы ее по дороге в клуб встретили. Она, как раз, с работы возвращалась. С завода. Ты ее знаешь. Она тебя лечила, когда ты воспалением легких болел.

«Еще не легче!» – подумал Полковник.

4. Невозможное завоевание Америки

Был вечер.

Лев Александрович готовил себе ужин.

Он налил в высокий пластмассовый стакан купленную в магазине смесь для молочного коктейля, погрузил в нее решетчатую лопасть миксера и включил моторчик. Он дождался, пока коктейль покрылся перламутровой пузырьчатой пеной и набросал туда фиолетовых ягод сладкого сибирского крыжовника. Потом отрезал толстый ломоть белого батона и вместе с коктейлем отнес его в комнату, где стоял телевизор.

Комната напоминала маленький библиотечный зал. На тянущихся вдоль стен деревянных полках, большом письменном столе и маленьком журнальном столике стояли и лежали книги. Стопка толстых фолиантов высилась и рядом с большим накрытым ворсистым пледом креслом, стоявшим у телевизора. Ни одна женщина не согласилась бы жить в такой библиотеке. Но Историк был одинок, и женские капризы ему не грозили.

Он поставил стакан с коктейлем на пол рядом с креслом, накрыл его ломтем батона и включил телевизор. Немного поколебался, но все-таки не удержался, и открыл лежащий наверху книжной стопки толстый фолиант. В программе новостей мелькали пестрые кадры о событиях, происшедших за последние часы во всех концах света.

Но он не видел того, что происходило на экране.

Его не интересовали сегодняшние события. Он сидел и размышлял о событиях, которые случились очень давно.

Лев Александрович сделал первый, как всегда самый вкусный, глоток коктейля, откусил белую губчатую мякоть батона и оказался за пять веков и двадцать тысяч километров от своей заваленной книгами комнаты.

В Америке, в момент ее завоевания испанским авантюристом Эрнаном Кортесом.

Ко времени прибытия европейцев здесь существовало могучее государство, возглавляемое вождем ацтеков Монтесумой. И армия американской империи совсем не представляла собой беспомощное сборище дикарей, как это иногда думают.

Вооруженные силы ацтеков являлись могучей машиной. Ими руководили профессиональные командиры. При объявлении мобилизации армия могла насчитывать до ста тысяч воинов. Солдаты были закалены в многочисленных войнах, преданы своим богам и императору.

Ацтекские военачальники владели тактикой рассыпного боя, наступления колоннами и охвата противника с флангов. В предыдущих войнах с соседями Монтесума накопил опыт боевого управления воинскими подразделениями в десятки и даже сотни тысяч бойцов. Под его командованием ацтекская армия выиграла десятки сражений. Сам император отличался хладнокровием и храбростью в бою. Командиры и рядовые воины, естественно, прекрасно знали географически сложный театр военных действий, на котором предстояло дать отпор захватчикам. Горы, ущелья, бурные реки, густые джунгли – являлись для них родным домом.

Правда, у высадившихся испанцев имелись стальные доспехи, непробиваемые копьями с наконечниками из вулканического стекла, лошади, которые поражали коренных американцев своим видом, ведь в Новом Свете они не водились, и огнестрельное оружие в виде заряжающихся с дула мушкетов.

Но, все-таки, по совокупной боевой мощи ацтеки намного превосходили высадившийся на их территории отряд Эрнана Кортеса, численностью в 533 человека. Это были бродяги и авантюристы, не отличающиеся ни дисциплиной, ни воинским мужеством, да и не нюхавших в своей непутевой жизни настоящей войны.

В целом, ацтекская цивилизация также совсем не была отсталой по сравнению с цивилизацией, пришедших в Америку европейцев. Империя коренных американцев насчитывала

десятки крупных городов с десятками тысяч жителей. Вся страна была покрыта сетью отличных мощеных камнем дорог, каких, например, в самой Испании еще не было.

В отличие от Европы, здесь давно уже было введено всеобщее образование.

Ацтекские астрономы обогнали европейцев в познании Вселенной. Ученые местной американской цивилизации знали, что Земля вращается вокруг Солнца, а не наоборот. Европейская наука узнает об этом от Коперника только через двадцать лет после высадки Кортеса на побережье Америки. Ацтеки с высокой точностью вычисляли солнечные затмения и имели совершенный годовой календарь, превосходящий по точности существовавший тогда в Европе Юлианский календарь.

Высокого уровня достигло искусство. Золотые и бронзовые статуэтки украшали дома рядовых горожан. А о таком художественном совершенстве ювелирных украшений, что носили обычные ацтекские женщины, европейские дамы могли только мечтать.

Когда испанцы вошли в столицу империи Теночтитлан, они были просто потрясены. Вокруг них лежал бескрайний город. Среди его аккуратных жилых кварталов высились десятки поражающих своими размерами пирамидальных храмов. Во всех направлениях город пронизывали выложенные камнем каналы. На десятках искусственных озер плавали усаженные цветами острова. В Теночтитлане действовал водопровод общего пользования, о котором жители испанских городов в то время и представления-то не имели.

В виде неоспоримого признака отсталости ацтекской цивилизации обычно называют человеческие жертвоприношения. Жрецы острыми абсидиановыми ножами вспарывали грудные клетки приносимых в жертву богам людей, и вынимали их еще трепещущие сердца.

Но, справедливости ради, надо сказать, что по количеству человеческих жертв, только не убитых ножами из вулканического стекла, а заживо сожженных на кострах, европейская католическая цивилизация уж никак не уступала американской. Например, бывший главным инквизитором Испании во времена Колумба и Кортеса Томас Торквемада уничтожил на кострах более десяти тысяч человек, что намного превосходило количество несчастных, заколотых жрецами за всю историю ацтекского государства.

Видимо, всякая человеческая цивилизация на определенных этапах своего развития, к сожалению, не может обойтись без массовых репрессий по идеологическим основаниям. Поэтому, вряд ли человеческие жертвоприношения могут быть поставлены в вину исключительно ацтекской империи.

Одним словом, нельзя сказать, что Американская цивилизация ацтеков безнадежно отставала в своем культурном, научном и техническом развитии от Европейских государств. И, разумеется, не могли быть для нее непобедимыми противниками пятьсот потрепанных жизнью испанцев, не отличающихся ни особым мужеством, ни воинским мастерством.

Казалось, в лучшем случае, Кортес мог рассчитывать на быстрый грабеж прибрежных деревушек до того, как на их защиту прибудут регулярные правительственные войска.

Однако, все произошло совсем не так.

Могучая ацтекская армия вообще не стала сражаться с интервентами. Напротив, прибывшая из центра делегация с почетом проводила испанцев в столицу ацтеков – город Теночтитлан.

Кортес был тепло принят императором Монтесумой и поселен в его дворце. Император вел себя так, словно он являлся преданным слугой пришельцев.

Пользуясь странным поведением повелителя ацтеков, испанцы разогнали центральные органы управления страной, захватили государственную сокровищницу, а самого Монтесуму превратили в своего пленника.

Через несколько месяцев опомнившиеся индейцы восстают против захватчиков. Но поздно. Государство к этому моменту уже уничтожено. Управленческая элита, стремясь сохра-

нить свои богатства, пошла в услужение к Кортесу. И даже успешные военные действия повстанцев уже не смогли привести к восстановлению рухнувшей державы.

Испанцы высадились на побережье Америки в августе 1519 года. А к началу весны следующего года от империи ацтеков остаются одни воспоминания. Высокоразвитая цивилизация ацтеков исчезает, как будто ее никогда и не было.

Но, почему же такое странное развитие событий стало возможным?

Произошло это совсем не случайно. Примерно за сто лет до высадки испанских солдат в один из ацтекских храмов явился сам Великий Бог Кетцалькоатль. Явился он не в своем обычном образе крылатого змея, но, приняв человеческий облик. Бог открыл жрецам Великую Истину. Он сообщил жрецам, что на время покидает страну и улетает за Большое море. Но через сто весен вернется к своему народу снова в облике человека. Будет он белолиц, голубоглаз и рыжеволос.

Каким и оказался высадившийся на морской берег Кортес.

Монтесума и управленческая элита великой империи увидела в нем не чужеземного захватчика, но вернувшегося к ним Бога, и добровольно, без сопротивления, отдали в его руки страну.

...В программе новостей мелькали пестрые кадры о событиях, происшедших за последние часы во всех концах света.

Но Историк не видел того, что происходило на экране. В этот вечер его не интересовали сегодняшние события. Он сидел и размышлял о событиях, которые случились очень давно.

Сокрушить империю ацтеков группа авантюристов Эрнана Кортеса смогла потому, что *кто-то незримый и могучий помог европейским бродягам это сделать*. Без такой помощи победа горстки испанцев над огромной и крепкой державой коренных американцев была бы невозможна. Такой странный вывод сделал для себя Историк.

Но кто был этим могучим и дальновидным помощником?

5. Доктор Искра Августовна Сони́на

Искра Августовна Сони́на жила совсем недалеко от элеватора.

После смерти мужа, директора Куломзинского элеватора, она осталась одна в огромной квартире с высокими, прямо дворцовыми потолками. Ее единственная дочь Тина умерла в семилетнем возрасте в результате врожденной болезни сердца много лет назад. Других детей у нее не было.

Искра Августовна снесла все внутренние стены, и из ее обычной квартиры образовался один огромный зал. Образовавшееся обширное пространство она разгородила китайскими ширмами, свисающими с потолка двигающимися шторами и деревянными полками с комнатными цветами.

Получился странный, постоянно меняющий конфигурацию лабиринт.

Лев Александрович сидел у нее уже час. Пил кофе с корицей, вдыхал странные восточные ароматы и слушал.

Но Искра Августовна не хотела говорить ничего конкретного. Она с такой же ловкостью, все обходя и ничего не задевая, вращалась в создаваемых ей словесных мирах, как и в запутанном лабиринте своего необычного жилища.

Словно материализуясь из воздуха, стройная седая женщина в китайском халате с драконами, неожиданно возникала то из-за одной, то из-за другой ширмы или шторы.

– Искра, но ведь ты же посылала письмо владельцу «Сибпромнефти» Аврамовичу с просьбой возобновить финансирование детского кардиологического центра? – вздохнув, произнес Полковник.

– Левушка, я посылала даже три письма... – печально улыбнулась Полковнику хозяйка.

И он снова немного почувствовал себя мальчишкой, курсантом высшей школы милиции. На первых летних каникулах он неожиданно свалился с двусторонним воспалением легких. А молодая выпускница мединститута Искра Августовна Сони́на стала его лечащим врачом.

Дела у него тогда обстояли неважно. Его даже поместили в отдельную палату. Она приходила к нему белая, невероятно красивая, пахнущая валерьянкой и тревожными духами. У него несколько дней держалась предельная температура. Он то и дело впадал в полубессознательное состояние и в бреду видел над собой ее склонившееся молочно-белое широкоскулое лицо и ощущал гладкие прохладные руки.

– Искра, в последнем письме, ты же фактически угрожала Аврамовичу... Угрожала сжечь завод... Для чего ты это делала? Ты же должна понимать, это – не шутки! Тебя же могут подозревать... – говорил он, украдкой рассматривая Искрино лицо.

«Она не так уж и постарела... Даже в чем-то лучше стала... Теплее, что ли...» – подумал он.

– Ну, Лева, ну, что, значит, угрожала? – Искра поднялась с банкетки и переместилась за вишневую штору, на которой поднимали клювы длинноногие журавли.

– Сначала они мне вообще не ответили. Я написала снова. Тогда какой-то Шаенко, – доносился из-за ширм ее голос, – ответил мне, что план благотворительной помощи утверждается собранием акционеров и детский кардиологический центр в число объектов, подлежащих помощи, не включен. Поэтому, он лично ничем помочь мне не может... Я в ответном письме написала, что детский кардиологический центр финансировался нефтезаводом всегда. И когда он был государственным производственным объединением и когда стал акционерным обществом. Без этого центра многие дети с больным сердцем будут просто обречены на смерть. Умрут... И уже умерли...

Искра неожиданно появилась непонятно откуда с вазочкой печенья в руках.

– Попробуй печенье, Лева... – сказала она. – Я сама испекла...

Он взял маленький темный кругляшек. От печенья исходил слабый аромат какой-то пряной травы. А на вкус оно было горьковатым и солоноватым. Такое он и любил.

– Лева, может быть, ты пудинг хочешь, а? С малиновым вареньем? Ну, хочешь? Мой собственный рецепт... Хоть попробуй, а?

– Ну, дай немного. Только попробовать...

Искра исчезла за высокой китайской ширмой.

– Я написала им, что своим богатством, они обязаны не своим способностям или счастливому стечению обстоятельств, но Богу. Но Он не только дает богатство, но и налагает обязанности...

Полковник не мог понять, с какой стороны слышится ее голос.

– Бог налагает обязанности и за их выполнение строго спрашивает, – неожиданно услышал он у себя за спиной. Полковник обернулся. Но Искры не увидел.

– И если Он увидит, что эти богатства совсем не служат остальным, а, особенно, больным и страдающим, Он не будет равнодушно смотреть на это. И Его огонь сожжет любое богатство. Например, принадлежащий кому-нибудь нефтеперерабатывающий завод... Разве я угрожала? Я предупреждала.

– Искра, но ты, надеюсь, согласишься, что Бог вмешивается в дела людей не сам. Не собственноручно. Но через обычных смертных людей, их руками? Кто-то же из людей это сделал? – произнес Полковник в пространство.

– А разве это важно, чьими руками Он осуществил наказание? Важно, что он его совершил. Вот, Лева, что важно! – совсем близко прозвучал голос Искры, хотя она по-прежнему оставалась невидимой.

– Искра, но откуда ты узнала число, когда произойдет взрыв?

– А я не знала... Вот пудинг, Лева... Попробуй. Тебе понравится! – Искра неожиданно выросла прямо перед ним.

Она поставила перед Полковником тарелочку с пудингом.

– Ну, как же не знала? – вздохнул Полковник. – Ты же точно сказала Браткрайсу с Липовой, что взрыв произойдет в выходные дни... Они даже поспорили с кем-то на сто долларов и выиграли... Что, не говорила?

– Почему не говорила?... – вздохнула Искра. – Говорила. Но я не знала. Я предполагала... Предчувствовала. Ведь в выходные на самой установке не бывает людей, а Он милосерден.

Полковник понял, что больше ничего от Искры не добьется. Он взял ложечку и зачерпнул маленький кусочек пудинга так, что бы с одного бока на нем оказалось варенье.

...Когда он выписывался из больницы, она строго сказала ему:

– Лева, ты уже взрослый мальчик! Считай, что между нами ничего не было! Ничего! Ты еще найдешь свою сверстницу! А про меня забудь!

Он тогда обиделся. И дал себе слово ее забыть. Но не получилось, хотя у него появились другие женщины и даже не мало. Он все равно помнил о широкоскулой белолицей врачихе.

Когда примерно через девять месяцев кто-то ему сказал, что у нее родилась дочь, у него возникла мысль, а может, это его ребенок? Но к этому времени она уже была замужем, и отцом ребенка мог быть и законный супруг. Да, мало ли, кто... Что, вообще, мужчина, сказал он тогда себе, может знать о личной жизни женщины? С уверенностью – ничего!

Потом они встречались много раз, тем более, что оба жили в тесном поселке, где пересечений на узких улицах просто не избежать, но к тому, что было между ними в районной больнице, даже в разговорах никогда больше не возвращались. К тому же, вскоре после его выписки из больницы, молодая врачиха вышла замуж за немолодого вдового директора Куломзинского элеватора.

Если быть точным, он-то пытался раз или два осторожно, издали завести разговор на эту тему, но она пресекала его таким строгим докторским взглядом, что он терял дар речи.

А напрямую, как он мог спросить у взрослой серьезной замужней женщины: «Скажите, а случайно не я отец вашей дочки?»

Правда, был, был один случай, который посеял у него угасшие подозрения.

Это произошло на праздновании векового юбилея железнодорожной станции Куломзино, возникшей вместе со строительством транссибирской магистрали, соединившей полмира – от Варшавы до Владивостока.

После обычной натужно-оживленной официальной части, избранные участники празднования вышли на балкон районного Дворца культуры. Из-за лесополосы должен был вот-вот грянуть праздничный фейерверк.

В холле были накрыты фуршетные столы. Через распахнутые на балкон двери, публика с бокалами и тарелками в руках медленно перемещалась из полного аппетитных запахов помещения на свежий синий вечерний воздух и обратно.

Присутствовавшие чувствовали себя избранными. Не все, далеко не все желающие были приглашены на праздник. Это сладкое чувство избранности заставляло женские глаза пылать, будто лампочки, а мужчин выпрямлять спины так, что они сразу прибавляли в росте на целую голову.

Полковник тогда был еще лейтенантом, и после окончания высшей школы милиции работал оперуполномоченным в своем родном районе. Он тоже ненароком оказался среди избранных. Потому что отвечал от райотдела за соблюдение во время празднования общественного порядка вокруг Дворца культуры.

В связи с праздником на площади перед Дворцом был выставлен дополнительный наряд патрульно-постовой службы. Но, когда он в перерыве вышел на площадь, наряда нигде не было. У него было сильное подозрение, что бездельник Мафусаил увел постовых милиционеров в лесополосу у железной дороги с целью распития спиртных напитков. Еще до начала торжественного заседания, он с балкона заметил Мафу, отирающегося около скучающих милиционеров. В руках тот держал раздувшийся полиэтиленовый пакет. А один из постовых являлся их с Мафой одноклассником.

Лева стоял у самых дверей на балкон и раздумывал. То ли, спуститься на площадь и поискать исчезнувших стражей порядка, и, если его подозрения подтвердятся, намылить им, а, особенно, Мафусаилу холку. То ли, все-таки, дождаться, когда официантка снимет с только что принесенного подноса большое блюдо.

На блюде лежали разрезанные надвое вареные яйца, каждая половинка которых была лишена желтка и вместо него наполнена рубиновой лососевой икрой. Лейтенант Садовский решил отложить поиски непутевого милицейского наряда, а вместо этого сначала отпробовать деликатесную закуску.

Тут-то к нему и подошла Искра. Если черный цвет может сверкать, то это относилось к ее глазам.

За руку она держала маленькую девочку с большими белоснежными бантами на круглой головке. Девочка внимательно смотрела на него большими темными глазами.

– Вот, Лева, это мы с Тиной! – сказала она, улыбаясь. – Мы в этом году в школу пойдем.

– Какая ты взрослая! – сказал Лева, чуть нагнувшись к Искриной дочке. – Какие у тебя бантики красивые!

– Да, – серьезно ответила девочка, подняла личико и внимательно, как котенок, уставилась на него своими карими глазками.

– Тина, ты помнишь дядю Леву? – опустилась, рядом с дочкой, словно большая нарядная птица, Искра. – Помнишь, он к нам приходил?

Тина внимательно взглядела в него, помолчала, потом утвердительно тряхнула головкой и сказала:

– Помню. У него звездочки тогда были.

– Правильно. Были. Были, золотко мое! – прижалась Искра щекой к дочкиной головке. – Лева, ты ведь тогда в форме приходил... Помнишь?

Лева кивнул.

– Ну, вот, помнит! – поцеловала Искра дочку в щеку. – Умница моя! Помнит, дядю Леву... Запомни, доча, дядя Лева, очень хороший дядя! Самый, самый лучший. Поняла?

– Да. Я поняла, – серьезно кивнула головой девочка.

Искра выпрямилась и вдруг сделала движение, словно хотела прикоснуться к его лицу губами. Но в это время с бокалом шампанского к ним подошел Искрин муж, солидный лысоватый столп местной деловой знати. Он взял Искру под руку и увел смотреть начавшийся фейерверк.

Когда они уходили, маленький человечек несколько раз оглядывался на Полковника и смотрел грустными глазками, как котенок, уносимый из дому.

Что-то в этой сцене было подводное.

«Неужели все-таки чудесная маленькая Тина – его дочь? – спрашивал себя лейтенант. – И Искра как бы связывала их незримыми узами. Или я все это придумываю?...»

...Полковник вернулся из своих воспоминаний, окинул взглядом странную комнату, и обнаружил изменения. Одни шторы, свисающие с потолка, раздвинулись, обнаружив в дальнем углу письменный стол. Другие плотно задернулись, что-то надежно скрыв.

Лев Александрович положил ложечку, отставил тарелку с пудингом и посмотрел на хозяйку.

По ее щекам убегали на увядающую, но еще высокую шею и дальше на грудь почти незаметные бледно-оранжевые пигментные пятна. Искра теребила рукой отворот расшитого золотыми павлинами красного китайского халата и смотрела в сторону.

Все было сказано. Пора было уходить. Они попрощались. Символически прикоснулись губами к щекам друг друга.

И вот когда он уже оказался лицом к двери, открыл замок и готовился шагнуть на лестничную площадку, вдруг услышал за своей спиной:

– Левушка, ты ведь знаешь, что Тина – твоя дочь.

Полковник замер на месте. Ему даже показалось, что он вздрогнул. Он хотел повернуться, но женщина надавила ему твердой докторской рукой между лопаток, вытолкнула на лестницу и закрыла за ним дверь.

Полковник потянулся к дверному звонку, но опустил руку. Постоял, глядя в кожу, которой была обита дверь. Потом повернулся и пошел вниз.

6. Ближневосточные друзья Мафусаила

Делегация Саудовской инвестиционной компании прибыла неожиданно.

Полковник узнал об этом из выпуска местных теленовостей.

«Неужели ближневосточные миллионеры в аэрокосмическое объединение «Полет», деньги вкладывать решили?» – спросил он сам себя.

Отметил так, из чистого любопытства.

Никакого отношения к обеспечению работы экономической делегации из Аравийского королевства Полковник Садовский, естественно, не имел.

Не имел, если бы его внештатный информатор, работающий в службе охраны закрытой гостиницы, где разместились иностранная делегация, не сообщил ему о странных визитах к ближневосточным финансистам одного малоподходящего для таких контактов человека.

Этим человеком являлся трижды судимый гражданин Браткрайс Мафусаил Нилович, работающий ночным дежурным склада готовой продукции акционерного общества «Сибхлеб».

Гостиница стояла в сосновой роще.

Роща лежала среди городских кварталов плотным непроницаемым массивом иной жизни. Ее аристократический хвойный запах время от времени накатывался на город густыми тревожными волнами. Наверное, так пахла Земля миллионы лет назад, до появления на ней мягких лиственных деревьев, в невообразимо далекие времена динозавров и птеродактилей. В роще навсегда поселился мрак.

В двухстах метрах от гостиницы день и ночь шумело моторами, идущее в сторону нефтезаводского района шоссе. А среди медных сосновых стволов стояла пугающая тишина.

Полковник сидел в холле гостиницы среди зарослей монстры, и переворачивал перед собой необъятный, как парус, газетный лист.

В обычно полупустой и тихой гостинице, принадлежащей областной администрации, царили суэта и шум.

В холле кружились в броуновском движении коммерсанты регионального масштаба, журналисты и дамы легкого поведения. Время от времени в холл со второго этажа, где располагалась ближневосточная делегация, спускались смуглые референты и кого-то уводили с собой наверх.

Бар, отделенной от холла стеклянной стеной, получал невероятные доходы и закрывался далеко за полночь. За стойкой и за столиками в глубине были видны склонившиеся друг к другу лица с исключительно серьезным выражением. Такое выражение обычно вызывает присутствие рядом больших денег. Даже у женщин легкого поведения в глазах появилось светлое выражение Надежды, которое, вероятно, было у пушкинской старухи, неожиданно оказавшейся в двухсторонних отношениях с Золотой рыбкой. Она просила, рыбка почему-то давала.

Нет, не зря боролся с непослушным газетным листом Полковник. Информатор не подвел.

По утреннему холлу, насквозь пронизанному сильными, как свет прожекторов, солнечными лучами, в режиме шахматного коня передвигалась знакомая крепенькая фигура.

Гражданин Браткрайс Мафусаил Нилович собственной персоной.

Проделав сложную траекторию между фигур, стоящих идвигающихся на шахматном черно-белом полу холла, опытный втирала оказался у начала лестницы, ведущей на второй этаж. Ее первая ступенька была подобна государственной границе, которую без приглашения не осмеливался пересечь никто, из находящихся в холле.

Воровато оглянувшись, Мафусаил занес ногу над пограничной ступенькой, решительно опустил и мелкими шажками, забирая к стене, быстро помчался наверх.

Будто почуяв грубейшее нарушение установленного порядка, из-за угла коридора второго этажа выдвинулся высокий чернобородый охранник в белой рубашке и строгом двубортном костюме.

Он встал на пути поднимающегося Браткрайса, поднял правую руку, словно бы собираясь хорошим ударом в челюсть отправить нарушителя обратно вниз. Но, вместо этого, к удивлению всех присутствующих в холле вообще и Льва Александровича, в частности, взял пирата под локоть, и вместе с ним исчез за углом коридора.

«И, что бы это значило?» – задал себе вопрос Полковник.

Он подождал еще четверть часа. И уже собрался навестить бар, где аппетитно запахло настоящим, сваренным из молотых зерен кофе, как вдруг в холле все пришло в движение.

По широкой лестнице спускалась большая группа людей. Чуть впереди шли два охранника. А в центре свиты двигалась могучая, почти на голову выше остальных, фигура главы экономической делегации принца Абдаллаха аль Салаха в клетчатом черно-белом платке на крупной голове. Он что-то энергично говорил сопровождающим, идущим рядом и вслед за ним.

Из присутствующих в холле, никто, конечно, не знал, что в прежней жизни Полковнику приходилось видеть принца. Несколько раз. И всегда он производил на него странное впечатление.

Что-то в нем было не так.

И только увидев его здесь, в Сибири, попавшего в яркий прожекторный луч августовского солнца, Лев Александрович вдруг понял, что не так. И удивился, как не замечал этого раньше.

Маленькая восточная борода придавал принцу типично-арабский вид. А вот глаза у него были другие.

Не томные, маслиноподобные, какие бывают у арабов, а желтые и напряженно-серьезные, как у тигра.

Царственная группа быстро пересекла холл, рождая вокруг людские водовороты, и увлекая за собой отдельных счастливиц. Пролетев сквозь распахнувшиеся двери, группа выкатилась на улицу, разобралась по черным сверкающим автомобилям и исчезла среди сосновых стволов.

Делегация, как объявил один из секретарей Абдаллаха, отбыла на нефтеперерабатывающий завод компании «Сибпромнефть».

Мафусаил Нилович по лестнице не спускался. Ни с группой, ни после. Ждать его как будто смысла не было. В конце концов, он мог спуститься вниз по одной из служебных лестниц и раствориться в темной сосновой роще.

Лев Александрович немного поколебался и направился в бар.

Он сел за столик в глубине у дальней стены, так, что бы на всякий случай не выпускать из поля зрения часть холла с выходом из гостиницы. По привычке, давно ставшей рефлексом, он сел так, что бы обозревать максимально возможное пространство перед собой.

Ничего заслуживающего внимания в секторе обзора он не наблюдал.

Он лишь на секунду опустил взгляд, чтобы сделать глоток кофе, как вдруг от неожиданности чуть не пролил его на столик. Совсем близко он вдруг услышал знакомый голос.

– Лева, можно к тебе?

Да, наверное, во всем городе только обладательница этого голоса и могла вот так, используя малейшее ослабление внимания, внезапно оказаться рядом с интересующим ее объектом.

Перед ним стояла солидная полная дама зрелого возраста с чашкой кофе в руках. Владелица лучшего в городе цветочного салона «Белая Орхидея» Оксана Григорьевна Ковальчук. А когда-то, в те времена, которых не было, по оперативной легенде, иорданская журналистка Фатима.

Полковник радостно улыбнулся и встал.

Вот уж кого он, действительно, рад был видеть.

– Что ты тут Лева делаешь? Сто лет тебя не видела... Все охраняешь? – проговорила она, улыбаясь и блестя глазами. – Ну, садись, садись, что ты застыл, как столб, Лева? Конспирацию нарушаешь... Всю квалификацию потерял... – сказала она, осторожно опуская на пластмассовый стул свое большое, обтянутое темно-синим бархатом тело.

– Охраняю! Мышь не проскочит! А ты? Что, на Ближнем Востоке цветов не хватает? Или, наоборот, решила побаловать сибиряков аравийскими розами?

Оксана засмеялась.

– Да, нет, я тут как президент!

– Чего президент? Общества любителей пива? – попытался пошутить Полковник.

– Ассоциации малого и среднего бизнеса, – с достоинством ответила бывшая иорданская журналистка Фатима.

– Ну, ты, Ксанка, даешь! – искренне восхитился Полковник.

– Уже два года, Лева! – с гордостью произнесла президент ассоциации. – Но это не главное.

– А что главное? – заинтересовался Полковник.

– Вот то, что я бабушкой уже стала... – притворно вздохнула Президент ассоциации. – Внучка у меня растет. Вот, что главное.

– Ну, поздравляю! – без притворства произнес Полковник. – Молодец!

– Ну, спасибо! – улыбнулась Оксана Григорьевна. – Внучка, это такая радость, что и словами не передать... Только вот, как подумаю, что я теперь – бабка, ужас прямо охватывает! Подумать только, бабка! Кошмар!

– Ты еще очень ничего бабка, – искренне польстил женщине полковник.

– Да, ла-адно! – махнула полной ладошкой Оксана Григорьевна. – Знаю я! Знаю, как я ничего... В машину уже не вхожу! Кроме денег ни одному мужику ничего от меня не надо! – Оксана Григорьевна погрузилась. – Вот ты-то, Лева, совсем не стареешь... – женщина быстро, но очень внимательно пробежала взглядом по лицу Полковника. – Каким ты был тогда, такой ты и сейчас. Виски только седые... Так они у тебя, вообще-то, и тогда такие были... Эх, Лева, Лева, как вспомню, неужели это мы были? – по-бабьи оперлась она щекой о ладонь.

...Это было двенадцать лет назад на Ближнем Востоке. По заданию Центра они искали секретную лабораторию по производству штамма непонятной болезни под условным названием «Месопотамская лихорадка – А»

Болезнь считалась смертельной. Вирус, ее вызывающий, был неизвестен, и противоядия не имелось. Начиналась болезнь, как обычное респираторное заболевание с легкой температурой, длилась в легкой форме два-три дня, а потом наступало резкое ухудшение самочувствия и смерть в течение нескольких часов.

По полученным данным, лаборатория, производящая вирусы «Месопотамской лихорадки» находилась на Северо-Западе Ирака, хотя уверенности в этом не было. Не ясно было даже, не дезинформация ли все это вообще? Выяснение истинного положения дел и было возложено на них с Оксаной. Он, по легенде – румынский нефтяник, она – иорданская журналистка.

За плотно зашторенными окнами стояла жаркая, черная ближневосточная ночь. Пахло горячим песком. Полыню. Большой пустыней.

Тогда он еще не знал ее настоящего имени. Для него она была Фатимой и сотрудником Центра, носящим псевдоним «Двойка». До этой ночи она не вызывали у него особого интереса. И, хотя они несколько месяцев работали рука об руку, до этой тяжелой ночи он как будто и не видел в ней женщину. Ему казалось, что и ей в голову не приходило, ничего подобного.

Но в эту электрическую ночь все стало по-иному. Они ждали решающее сообщение от местного агента. Оно должно было либо подтвердить, либо опровергнуть существование лаборатории близ границы с Иорданией. У обоих внутри звенело предчувствие надвигающейся опасности. Они знали, что здесь на Востоке, все всегда происходит не так, как должно происходить. Да, к тому же оба понимали, что значит попасть в руки местных спецслужб. Не дай-то Бог! Восток к врагам относится всерьез.

И они, неожиданно для самих себя, бросились друг к другу.

Невозможно поверить, но Ксанка тогда была стройная, даже худая, и такая потемневшая за месяцы пребывания в странах передней Азии, что ни у кого и сомнений не могло возникнуть, что она родилась не в Дамаске, а в Сибири. Даже глаза у нее тогда словно бы приобрели миндалевидную форму, хотя, вообще-то у нее от рождения были обычные для украинки круглые карие очи.

По внутренней трансляции отеля передавали восточную музыку. И багдадская флейта повторяла одну и ту же музыкальную фразу, каждый раз как будто новую, но на самом деле неизменную, как сам древний Восток, внешне обновляющийся, но, в сущности, остающийся тем же самым.

Они любили друг друга так, словно это была последняя ночь в их жизни. Собственно говоря, это вполне могло и случиться.

Время от времени восточная мелодия прерывалась, и в их номере звучали мелодии Чайковского. Это означало: в ту ночь в верхних королевских апартаментах отеля находился принц Абдаллах. Он любил музыку русского композитора и администрация отеля знала это.

Вообще здесь, как и во всем мире, эфир постепенно заполняли диковатые американские шоу-звезды. Дети правоверных мусульман, подражая своим западным сверстникам, начали глотать западные музыкальные изделия, только притворяющиеся настоящей музыкой. Но все-таки это касалось не всех. Далеко не всех. Очень многие образованные арабы предпочитали мировую музыкальную классику прошлых веков. Предпочитали итальянскую классику восемнадцатого века и русскую – девятнадцатого.

Да, та ночь вполне могла стать для них последней.

К счастью, не стала. Утром сотрудник местной спецслужбы, учившийся когда-то в Москве, нарушив свой служебный долг, сообщил им по телефону, что они раскрыты, находятся под наблюдением, и накануне было принято решение об их аресте.

Они успели. Ушли. На следующий день были уже в Дубае, потом на румынском сухогрузе попали в Констанцу, а еще через два дня были в Москве.

В результате долгого разбирательства руководство пришло к выводу, что вина за провал задания лежит на них самих. Был издан приказ, выводящий их из состава разведывательного главка. Им предложили перейти на работу в архивное управление СВР.

Предложение их не устроило. Они подумали, что их карьера во внешней разведке закончена, а, раз так, предстоящая работа за канцелярскими столами теряла всякий смысл.

И они с Оксаной решили поехать в город на Иртыше. Для Полковника он был родным. А у Оксаны там жили родители бывшего мужа, на руках у которых подрастала ее дочь. С мужем Оксана рассталась еще до командировки на Ближний Восток.

Майор запаса Ковальчук занялась бизнесом и воспитанием дочери. А подполковнику Садовскому отдел кадров территориального управления госбезопасности, которому было поручено его трудоустройство, порекомендовал поступить в органы внутренних дел. Разумеется, для их укрепления. Так он оказался там, где и начинал свою биографию, – в милиции.

После у них с Оксаной никогда ничего больше не было. Они не стали ни супругами, ни любовниками. Но он знал, что, если кому и мог верить до конца, то это ей – Оксане Ковальчук. Вот этой полной женщиной со стареющим белым лицом.

– Что задумался, полковник? – услышал он Оксанин голос. – Не грусти! Что было, то было... Однако, жизнь продолжается... Ну, я поехала. Ты не теряйся! Звони, хоть иногда... Может тебя подвезти, а, Лева?

Полковник сначала кивнул, но немного подумал и отказался.

Лев Александрович всегда слушался интуицию. Послушался и в этот раз.

Он несколько раз неторопливо прошелся по холлу, продолжающему жить в волнующем режиме ожидания. Краем уха поймал разговор о том, что Абдаллах отправился на встречу с губернатором области. Прогуливаясь, обшарил взглядом все углы, но ничего интересного не обнаружил. Сказал про себя пару крепких слов в адрес своего внутреннего голоса и покинул гостиницу.

В сосновой роще стояла доисторическая тишина.

Направляясь в сторону шоссе, где оставил свою автомашину, Полковник смотрел не по сторонам, а, как учили в детстве, себе под ноги. Но многие мудрые правила надо выполнять избирательно, иногда – с точностью до наоборот.

Что-то словно легонько щелкнуло его в лоб. Он остановился, поднял глаза и посмотрел прямо перед собой.

То, что он увидел между деревьями, его очень заинтересовало.

Впереди, совсем недалеко лежало шоссе. На его обочине стоял легковой автомобиль. Рядом с ним высилась маякоподобная фигура в темном пиджаке, белой рубашке и галстук, как будто, из сопровождения арабского принца. А рядом стоял... Да, сам Мафусаил Нилович Браткрайс.

Оба действующих лица были обращены к Полковнику в профиль.

Он шагнул за дерево и стал наблюдать.

Коренастый Мафусаил находился в оживленном диалоге с высоким собеседником. Он, то кивал головой, то отступал на несколько шагов, то снова подходил вплотную к собеседнику. Наконец, он даже слегка присел, будто делая дамский книксен, и широко развел в стороны свои короткие руки. Дескать, режь меня, ешь меня, нету у меня ничего.

Высокий собеседник кивнул, подал Браткрайс руку на прощание, затем сложился пополам и вставил свое длинное тело между рулем и сиденьем. Мафусаил напоследок что-то энергично сказал ему и передал, похоже, папку для бумаг. Его собеседник кивнул, хлопнул дверцей, и вместе с автомобилем исчез с шоссевого полотна, будто его там никогда и не было.

Пират-пройдоха тут же замахал руками, будто он был не человек, а ветряная мельница, остановил идущий мимо легковой автомобиль и также отбыл в неизвестном направлении.

Полковник стоял среди сосен и недоумевал.

Он, что бывало с ним совсем не часто, действительно, не понимал, что все это значит?

7. Странное предложение старого пирата

У неба были окна.

Полковник стоял и смотрел на четыре горящих в ночи окна.

И представлял, как среди китайских ширм, свисающих с потолка штор и полок с цветами, движется стройная беловолосая женщина в китайском халате, то растворяясь в воздухе, то возникая ниоткуда. Мелькает она в разных концах гигантской комнаты, летит по своему странному жилищу-лабиринту, пытаясь убежать от самой себя.

Он вздохнул и медленно зашагал в сторону невидимого в ночи элеватора. К Мафусаилу.

Ночь была теплой, как это почти всегда бывает в Сибири в августе месяце. Из-под чернеющих в темноте кустов сибирской акации веяло сыростью и грибами. Обдавая хмельным запахом свежей выпечки, по-медвежьи переваливаясь с боку на бок, мимо проезжали развозящие хлеб грузовые «газели».

Со стороны железнодорожной станции доносились гудки электровозов, стук катящихся по рельсам вагонов, переговоры диспетчеров по громкой связи. Женский голос что-то по-учительски строго приказывал, а мужской сурово соглашался.

Когда-то, почти тридцать лет назад, Вова Подолякин сказал, что было бы неплохо вскрыть какой-нибудь товарный вагон, стоящий на станционных путях. Несмотря на некоторые нравственные сомнения, посеянные воспитанием, и страх быть пойманными, они с Мафусаилом не долго сопротивлялись уговорам.

Видимо, решающую роль сыграли показанные Вовой джинсы, которые он якобы стащил из собственноручно вскрытого им контейнера.

Такой же теплой августовской ночью они выбрались из кустов и проникли в лабиринт, состоящий из заполняющих пути товарных вагонов. Долго бродили вдоль бесконечно тянувшихся в обе стороны коричневых стен. С замиранием сердца, – вдруг сейчас поезд тронется! – пролезали под вагонами рядом с черными дисками колес, грозно поблескивающих отполированными ребрами.

Наконец, Вова нашел нужный вагон. Взатыми с собой садовыми ножницами они перекусили проволоку, на которой висела свинцовая пломба, и, дружно навалясь, сдвинули с места тяжелую дверь.

Вагон был доверху забит картонными ящиками с неразличимыми в темноте надписями.

Ящики стояли друг на друге так плотно, что, несмотря на все старания, им никак не удавалось извлечь их из доходящей до потолка сплошной картонной стены.

Тогда они садовыми ножницами и финкой Вовы Подолякина разрезали боковую сторону одного из нижних ящиков. Мафа пошарил рукой и с трудом вытащил оттуда круглую железную банку. Это оказался индийский растворимый кофе.

И в этот момент совсем рядом они услышали топот и крик «Стой!»

От неожиданности у них отнялись нижние конечности и отключилась центральная нервная система.

«Делаем ноги!» – первым очнулся от паралича Вова и бросился под вскрытый ими вагон. Лева с Браткрайсом ринулись вслед за ним в спасительную тьму.

«Стой! Не уйдешь! Стой! Стрелять буду!» – дико кричали за спиной.

Они ныряли под один вагон за другим. Когда казалось, что все, они оторвались от погони, за соседним вагоном, разрывая их сердца, раздалось: «Попались, голубчики, а ну, стой! Руки в гору!»

Преступная группа рванулась вдоль эшелона в сторону элеватора со скоростью африканских гепардов. Потом они снова ныряли и ныряли под вагоны, горячо желая раствориться в чернильном воздухе августовской ночи.

Остановились они только в лесополосе, очень далеко за станцией. Погоня все-таки отстала. Они ушли.

Сердца вырывались из груди. Воздух не поступал в легкие, а ноги дрожали так, что было непонятно, а смогут ли они теперь вообще ходить.

В те минуты Полковник решил жить так, что бы никогда не приходилось убегать, Мафа – тренироваться в беге для выработки выносливости, а Вова Подолякин посчитал, что ничего особенного и не случилось.

Растворимый кофе с тех пор Полковник не любил. Он даже казался ему отвратительным. Не только из-за своего вкуса и аромата.

Все это случилось невероятно давно. Во времена, которых, возможно, и не было. По общепринятому же календарю, около тридцати лет назад.

...Полковник шел, не торопясь. Он вдыхал теплый, полный растительных запахов ночной воздух и размышлял.

И ведь было над чем.

С самого утра день складывался как-то не так. Полковник любил бриться. Каждое утро он с удовольствием срезал хорошей бритвой отросшую за ночь щетину, которая мягко похрустывала под тонким двойным лезвием «Жилета». Затем смазывал сизые щеки лосьоном. Он предпочитал американский «Меннон» или польский «Барс». В этот день, рассматривая в зеркале свое чисто выбритое лицо, он почувствовал нечто странное. Будто из серебристой зеркальной глубины на него смотрел кто-то еще.

Нечто подобное уже бывало в его жизни.

И всегда это было предчувствием опасности.

Так случилось однажды в ближневосточной Хадейде, когда он без внятно объяснимых причин не пошел на встречу с местным агентом. Просто не смог заставить себя выйти из отеля, взять такси и поехать в старый город. Не смог и все.

И, как потом выяснилось, был совершенно прав.

Агент оказался изменником, а в месте встречи, у малой городской мечети, его ждали местные спецслужбисты.

Это ощущение наблюдающего за ним взгляда он испытывал всего несколько раз в жизни. И каждый раз оно спасало его от серьезных неприятностей, а, то и потери самой жизни. Это ощущение, казалось, имело даже запах.

Медицинский запах разведенной марганцовки.

Он весь день то и дело прислушивался к себе, втягивал носом воздух и ему мерещился в разных углах этот едва заметный тревожный запах.

Чтобы сбросить напряжение, Лев Александрович решил искупаться.

Прямо в черте города, за рекой бил источник теплой минеральной воды. Он находился в густом природном парке на берегу реки. В его зеленой толще прятался реабилитационный корпус областной больницы. Здесь солидные пациенты проходили курс восстановительной терапии или, взяв у своего лечащего врача направление, просто прятались от надоевшей работы или – не дай Бог! – неожиданных проверок со стороны вышестоящих, а то и правоохранительных, органов.

У источника образовалось небольшое озерцо с тягучей целебной водой. Вокруг разрослись ивы. Их тяжелые ветви опускались к стеклянной поверхности, образуя вокруг воды непроницаемую зеленую стену.

В этом озерке и решил искупаться Полковник в обеденный перерыв, надеясь сбить непонятный внутренний дискомфорт.

Он подхватил первую попавшуюся оперативную машину, перескочил на ней через мост и дальше пошел через парк пешком.

Под деревьями стоял такой плотный аромат спелой растительности, что у него даже сильнее застучало сердце, легкие расправились и начали втягивать в себя целебный бальзамический воздух.

Погрузившись в зеленое неподвижное озерцо, он заскользил в воде, выставив над поверхностью, словно крокодил, одни глаза. Расталкивая лицом сверкающую поверхностную пленку, разделяющую собой воздушный и подводный миры, Полковник сам себе казался жизнелюбивой рептилией.

После купания тревога испарилась, как капли воды на августовском солнце. Он поспешил внушить себе, что сигнал тревоги был ложным. Ну, видимо, просто плохо выспался...

... Расстояние от минерального источника до акционерного общества «Сибхлеб» было не слишком длинным, и вскоре Полковник уже стоял перед дверью, ведущей в конторку склада.

В гнездо Мафусаила.

У старого разбойника, как всегда, ожидался праздник.

Каким-то образом ему удалось уговорить женщин-пекарей в нарушение всех инструкций засунуть в малую хлебопекарную печь противень с мясными котлетами. В пропитанной запахом печеного хлеба камере, они получались невероятно сочными и вкусными. Только использовать производственные мощности пекарни в этих целях, начальством было строго-настрого запрещено. Строго-настрого! Но старому мошеннику удалось толкнуть персонал на грубое нарушение приказа.

Оказалась в его распоряжении и большая трехлитровая стеклянная бутылка с красным вином. Посредине стола горбились коричневыми спинами две хлебных буханки. Над одной из них Мафусаил занес огромный, как гусарский палаш, остроотточенный нож-хлеборез. Остальная компания пока отсутствовала, но, судя по расставленным четырем стаканам, ожидалась с минуты на минуту.

– О, вот уж кого не ждал! – вытаращил свои военно-морские глаза Мафусаил, застыв с поднятым хлеборезом, как пораженный внезапным параличом палач. – Садись, Лева. Выпей. Закуси. У меня сегодня та-акие котлетки. А вино?! Настоящее Киндзмараули из Грузии, не вру.

– А я думал из Саудовской Аравии. Принц Абдаллах как раз и подрядился тебе посылочки возить. Вестимо, от тамошних рецидивистов.

– Да, ты что, Лева-а! – еще больше выпучил глаза ветеран исправительных учреждений. – Там вообще алкоголь запрещен! Не дай бог, поймают... Накинут, как за побег! Нет, это не он, не-е-ет...

– Так, значит, Абдаллах тебе посылочку не передавал... – со значением протянул Полковник, и хлопнул себя по лбу ладонью, будто, наконец, ему все стало понятно: – Это, наоборот, ты ему посылочку передал, да?

Мафусаил ошеломлен. Замер на долю секунды, но Полковник все-таки успел это заметить.

– Я? Да ты что, Лева! – бурно вышел Браткрайс из столбняка. – Я и не знаю никакого принца. Ну, сам подумай, откуда я бы его знал, а? Кто он и кто я!

Полковник с удивленным видом развел руки в стороны:

– Вот я и думаю, откуда? И чего ты у него каждое утро делаешь, а?

– Я?! – возмущенно вздернул седенькие бровки пират.

Лев Александрович сделал отрицающий жест рукой:

– Нет, не ты, конечно, а губернатор области.

Он опустил глаза, а потом резко вскинул их на Мафусаила:

– Ну-ка, рассказывай, старый интриган!

Мафусаил изобразил бровями нечто вроде: ну, если так все оборачивается, то пусть.

– Вот ты сердисься Лева, а я ведь это ради тебя к арабам ходил. О тебе думал... – медленно начал Мафусаил.

– Конечно, о ком же еще ты мог думать! – изображая полное спокойствие, сказал Полковник и положил на овальный ломоть хлеба толстую, как куропатка, коричневую котлету.

– Ты зря так, Лева, зря! – засуетился старый пират. – Им нужен консультант по вопросам безопасности. И я предложил твою кандидатуру... Прекрасно оплачивается! Я уверен, ты согласишься...

– А мне нельзя. Я – государственный служащий, – сказал Полковник и, насколько позволял рот, откусил приготовленный бутерброд с котлетой.

Мафусаил явно обрадовался тому, какое направление начинал принимать разговор, вильнув в сторону от опасного направления.

– Да, ну, никто и не узнает, – энергично начал он уговаривать друга детства. – Так, один-два раза встретишься, поговоришь и все. Я ж не призываю тебя государственные тайны выдавать! Да, ты никаких таких уж, особых тайн и не знаешь... Проконсультируешь, кого им у нас стоит опасаться из уголовного мира, если они решат здесь свое дело разворачивать, и все... Чего ж здесь плохого?... Это даже твой профессиональный долг, если хочешь знать.

– Ты мне про мой профессиональный долг не пой, – несколько охладил вербовочные старания пирата Полковник и налил себе из трехлитровой бутылки темно-гранатового вина. – Откуда ты эту арабскую гоп-компанию знаешь, а?

Мафусаил прижал к груди свои мало натруженные обезьяньи ручки:

– Ну, случайно. Честное слово, случайно. Клянусь мамой! – он изобразил в глазах белейшую девичью честность. – С одним арабом в Москве в прошлом году познакомился, а он из тамошних авторитетных оказался... Ну, вот, когда они к нам прилетели, они меня и нашли, да я и не скрывался... Зачем мне скрываться?

Мафусаил замолчал и искоса посмотрел на Полковника: как он относится к его искусству сказочника?

Лев Александрович с выражением глубочайшего недоверия неторопливо жевал бутерброд. Старый пират набрал в грудь воздуха и с новыми силами, бросился в бой.

– Я тому корешу сам адрес давал. Вот они меня так быстро и нашли. Проконсультироваться им нужно было, что, да, как... Не опасно ли дело в городе начинать? Они ж там все русской мафией запуганы. Думают, здесь прямо на улицах из людей мумии делают... Вот они и решили со мной посоветоваться... Я все же в этом деле не последний человек... Специалист. Ты ж не будешь с этим спорить, да, Лева?

– Не буду, – кивнул головой Полковник. – Еще какой специалист! По вранью.

Не верил он другу детства Мафе во всей этой истории ни на мизинец. Несмотря на весь его ораторский пыл.

Когда-то в юности Мафусаил побеждал на всех районных математических олимпиадах.

Один раз победил на городской. Его направляли учиться в Новосибирский Академгородок, в знаменитую физико-математическую школу. И, если бы он не подрался с такими же абитуриентами, возможно, его судьба сложилась бы совсем по-другому. Но, как инициатора драки, его не допустили к собеседованию, и он вернулся в родной город.

«Причем тут эти арабы? – вертел в голове Полковник. – Неужели, прошлые дела? Не должно бы... Столько времени прошло... Да и никаких особых хвостов за мной и не осталось... Но что-то же за этим стоит? Не консультации же по уголовному миру, в самом деле?... Или, действительно, консультации и все?»

– Вот ты котлетку томатным соусом полей. Вкуснее будет! – радушился Мафусаил Нилович, подливая ему в стакан пахнущее курортными романами, отжатое из кахетинского винограда гранатово-красное вино.

– А горчица есть? – не поддавался опытному подлизе Полковник.

– Ну, а как же! – вскричал Мафа.

Из настенного ящика была извлечена баночка «Русской горчицы» и с торжествующим видом водружена на стол перед Полковником.

– Для тебя, Лева, у меня всегда все есть! Для тебя мне ничего не жалко, – искренним тоном опытной женщины, заманивающей молодого человека под венец, произнес Мафусаил.

– Правды только нет, – не поддался старому ухажеру Полковник. – Ты вообще последнее время почему-то морочишь мне голову, – сурово сказал он другу детства. И начал сосредоточенно покрывать очередную котлетную толстушку ядреной русской горчицей.

Браткрайс сделал вид, что обиделся.

– Лева, когда я тебя морочил? Когда я от тебя что-то скрывал? Когда я тебя обманывал? – запричитал он.

Полковник молчал и внимательно рассматривал друга детства. Но поймать взгляд Мафусаила ему не удалось. Он неудержимо съезжал в сторону, чего вообще-то для Мафы было несвойственно.

Хотя, Полковник помнил случай, когда Мафусаил вот так же стыдливо уводил глаза в сторону.

Где-то, классе в восьмом, они оба ходили в районный Дом пионеров и школьников.

Он помещался в старом двухэтажном здании, принадлежавшем до революции владельцу крупной мельницы купцу Колокольникову. Первый и полуподвальный этаж у него были выложены из кирпича, а второй был деревянным, из толстых лиственничных бревен. На второй этаж вела наружная в два пролета лестница с узорчатыми коваными перилами.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.